

Латынь vs русский:
языки класса
риторики в русских
семинариях
XVIII века*

Latin vs. Russian:
the Languages of
Rhetoric Classes
in 18th Century
Russian Seminaries

**Екатерина Игоревна
Кислова**

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Ekaterina I. Kislova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Резюме

В статье на материале архивных и опубликованных источников рассматривается употребление русского и латинского языков в классах риторики в русских семинариях XVIII века. На протяжении столетия положение русского языка существенно изменилось, что может быть связано с целым рядом факторов (развитием художественной литературы, увеличением объемов книгоиздания, поощрением проповедничества и т. д.). Однако, несмотря на появление пособий по риторике на русском, языком риторической теории в семинариях остается латынь. Эти процессы иллюстрируют как сохранившиеся сборники выписок и образцовых текстов, так и каталоги семинарских библиотек.

* Статья написана при поддержке Фонда развития ПСТГУ в рамках проекта Лаборатории исследований церковных институтов «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности».

Цитирование: Кислова Е. И. Латынь vs русский: языки класса риторики в русских семинариях XVIII века // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 338–352.

Citation: Kislova E. I. (2021) Latin vs. Russian: the Languages of Rhetoric Classes in 18th Century Russian Seminaries. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 338–352.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.14

Ключевые слова

семинарии XVIII века, русский язык, латынь, риторика, поэтика, библиотеки

Abstract

The article focuses on the use of Russian and Latin in rhetoric classes in Russian seminaries of the 18th century, based on published and archival documents. Over the course of the century, the status of the Russian language changed significantly, which may be attributed to a number of factors: the development of belletristic literature, an increase in book publishing, the encouragement of preaching, etc. However, despite the fact that rhetorical textbooks began to be published in Russian, Latin remained the language of rhetorical theory in seminaries. These processes are illustrated both by surviving collections of extracts and exemplary texts, and catalogs of seminar libraries.

Keywords

18th century seminaries, Russian language, Latin, rhetoric, poetics, libraries

Петровская эпоха стала переломной в истории русской православной церкви: фактически именно в течение XVIII в. духовенство окончательно оформилось как закрытое сословие. Огромную роль в этом процессе сыграло создание специальной системы образования (см. [Владимирский-Буданов 1874; Смолич 1996; Сухова 2013; Манчестер 2015] и др.) — семинарий и духовных академий, созданных по модели *Ratio studiorum* и имевших следующие классы¹: низшие (грамматические), средние (поэтики и риторики) и высшие (философии и богословия). Низшие — начальные — классы были посвящены изучению и совершенствованию латыни, средние и высшие — изучению «профильных» гуманитарных предметов, преподававшихся преимущественно или исключительно на латыни [Смолич 1996: 409; Суториус 2008].

Появление и закрепление «латинских наук» в епархиях зависело напрямую от удаленности от центра и богатства епархии, но в первую очередь — от заинтересованности правящего архиерея [Знаменский 1881: 155–172]. Г. Фриз относит окончательное закрепление латинской модели к 1760-м гг. [Freeze 1977: 94], однако показательно, что уже в 1739 г. латынь отсутствовала в школах только четырех епархий: Рязанской, Суздальской, Тобольской и Иркутской; в остальных епархиях архиерейские школы с латинскими классами уже функционировали, как минимум, ученики начинали осваивать «элементарии» — латинские буквари (в [Описание... XIX 1913: 616–620] даны сведения о 17 школах

¹ До Устава духовных школ 1798 г. различия между духовными академиями и семинариями были скорее в статусе, нежели в программе [Смолич 1996: 411], причем некоторые семинарии (Троицкая, Александро-Невская) могли иметь лучший уровень преподавания и большее финансирование, нежели академии.

в «великорусских» епархиях и о 3 украинских; при этом из некоторых епархий — в том числе из Пскова и Новгорода — Синод не получил ответа на запрос о состоянии латинских школ). В 1740-х гг. 8 из 17 духовных учебных заведений имели полную учебную программу, включавшую класс богословия, и еще 3 доходили до класса философии [Знаменский 1881: 450–451]. К 1760 г. в России насчитывалось 26 семинарий, а к концу XVIII в. — 4 духовных академии с полным курсом наук и 46 семинарий, как с высшими классами, так и без [Ibid.: 185; Смолич 1996: 394–397].

Историками церковного образования XIX в. изучение «латинских наук» православным духовенством традиционно оценивалось как положительная тенденция, свидетельствующая о просвещении духовного сословия под руководством государственной власти (см.: [Смирнов 1855; Idem 1867; Чистович 1857; Титлинов 1905] и др.). Однако к концу XIX в. появляется резко негативная оценка этой «латинизации» (см. в первую очередь труды [Знаменский 1881] и затем [Флоровский 2009, первое издание — 1937]). Но, независимо от оценки, до сих пор общим остается представление о незыблемом положении латыни в семинариях XVIII в. — и как языка преподавания наук, и как языка общения, и как «внутреннего», «корпоративного» языка духовенства. Исключением является позиция М. Окенфусса [Okenfuss 1995], который считает, что значение латыни в семинариях падает уже во второй половине XVIII в., объясняя этот процесс сменой национальных групп интеллектуалов: «украинских гуманистов» — русскими по происхождению выпускниками светских и церковных учебных заведений.

Вопрос о распределении языков в рамках семинарского преподавания оказывается одним из ключевых для понимания того, как духовенство формировалось в качестве единого сословия, как развивалось его самосознание. Отношение к латыни и ее знание становилось маркером принадлежности к культуре: либо к новой — модернизированной, либо к старой — «традиционной» [Флоровский 2009: 111–112, 135–137; Живов 1996: 79–88]. В последней четверти XVIII в. ситуация усложняется: «Устав народным училищам Российской Империи» 1786 г. закреплял русский язык в качестве языка обучения; описанные в нем методы и принципы распространялись и на семинарии. Хотя, как считается, в них этот устав не вызвал существенных изменений [Смирнов 1855: 314–315], идеи о возможности преподавания русского языка и на русском языке начинают обсуждаться среди церковных иерархов.

Тем не менее идущие в светском обществе процессы осознания ценности «природного языка» не могли не затрагивать духовенство. В настоящей статье мы рассмотрим, каким образом менялось взаимное

положение латыни и русского языка в классе риторики в «великорусских» семинариях².

К последней четверти XVIII в. в общем виде распределение языков в рамках классов семинарий выглядело следующим образом. В семинарию принимали только уже умеющих читать и писать детей (обычно 7–11 лет), этот навык дети получали «от отцов», т. е. дома. В некоторых епархиях существовали «русские» или «писцовые» школы, где могли обучать начальным навыкам чтения и письма сирот или недостаточно хорошо обученных детей, но обязательного требования организовывать такие школы не было (см. [Kislova 2015]). Обучение велось традиционно: дети осваивали чтение на церковнославянском языке по азбуке, Часослову и Псалтыри. Судя по редким сохранившимся собственноручным записям будущих учеников на прошениях о принятии в учебные заведения, навык письма в досеминарском обучении был ориентирован на скоропись до конца века³. Можно предполагать, что в качестве ориентира могли выступать канцелярские документы и соответствующий тип письма. В последней четверти века появляются печатные прописи с гражданским курсивом, однако у нас нет данных, использовались ли они на досеминарской стадии обучения письму.

В начальных классах (количество которых зависело от наличия учителей и числа учеников) принятые студенты могли оттачивать навыки чтения и письма на русском языке (в том числе осваивать гражданский курсив), однако их основной задачей было как можно скорее перейти к обучению латыни и довести ее до уровня, достаточного для продолжения обучения на этом языке. По сохранившимся отчетам учителей Московской академии можно увидеть, что именно латынь занимала большую часть учебного времени в классах информатории, грамматики и синтаксисы. Например, в феврале 1789 г. в классе информатории Московской академии обучение состояло из изучения латинской грамматики Лебедева и упражнений в латыни; в субботу утром учили и толковали сокращенный катехизис [РГБ, ф. 277, ед. хр. 17, л. 290]. В классе грамматики в это же время к латыни и катехизису добавляется 2 занятия арифметикой; в остальное время до и после обеда ученики изучали латинскую грамматику, разбирали и учили наизусть

² Мы оставляем за рамками настоящей статьи учебные заведения Украины и Сибири, так как в этих регионах социальная и национально-языковая ситуация существенно отличалась от европейской части Российской империи.

³ Например, [РГБ, ф. 277, ед. хр. 18, л. 5]: личная подпись Андрея Хрусталева на прошении о принятии в число учеников Московской академии (январь 1791 г.); [РГБ, ф. 277, ед. хр. 19, л. 160]: подпись 11-летнего Андрея Грачев[в]ск[ого] вместо не умеющей писать матери (сентябрь 1792 г.) — и под.

«Видимый мир» Я. А. Коменского на латыни и делали «из латинских писателей экзерциции»⁴ [РГБ, ф. 277, ед. хр. 17, л. 227]. Таким образом хорошо успевающие ученики уже к классу риторики приобретали хорошее знание латинского языка.

Центральное положение класса риторики в системе семинарского образования объясняется тем, что он часто становился для студентов выпускным: до конца XVIII в. «риторы» имели право получить место в церкви (причем не только дьячка, но и священника), поэтому не все студенты продолжали обучение в классах философии и богословия, даже если эти классы были открыты [Смолич 1996: 409]. В рамках курса риторики могли изучаться отдельные положения из философии и богословия (в первую очередь это элементы диалектики и логики), могли также читаться некоторые богословские трактаты. Особенно это было распространено в том случае, если высшие классы в семинарии отсутствовали и риторика оказывалась последней ступенью духовного образования в епархии [Знаменский 1881: 448].

Класс поэтики не был регулярным, что позволяет нам рассматривать его комплексно с классом риторики. «Пиитика» считалась этапом, предшествующим риторике и по уровню знаний, и по содержанию обучения [Колосов 1889: 75–76]. Этот курс мог быть редуцирован до одного дня в неделю или выделен в качестве дополнительного предмета для студентов риторики или даже разных классов, «способных к стихосложению» [Знаменский 1881: 444–445, 747–748; Агнцев 1889: 99–100]. В одной и той же семинарии на протяжении времени статус этого класса мог меняться. Например, в Воронежской семинарии класс поэтики был открыт в 1768 г., через год объединен с классом риторики, в 1782 г. соединен с синтаксимой, в 1783 г. выделен в отдельный класс, в 1798 г. вновь соединен с риторикой, в 1799 г. снова выделен как отдельный «низший риторический» класс [Никольский 1898: 148].

Действительно, поэтику можно было преподавать в рамках риторики, но распространенное выделение ее в отдельный класс было оправдано прагматическими причинами: нужно было, чтобы ученики не приходили «в риторику» (т. е. в класс риторики) слишком юными для возможного рукоположения в сан. Хотя ограничения «канонического возраста» для поставления в сан к выпускникам семинарии не применялись [Цыпин 2019], существовало представление о приличном для духовного лица возрасте. Поэтому отдельный класс поэтики «задерживал» учеников на год или два, чтобы к концу следующего класса они максимально приближались к 20 годам [Надеждин 1876:

⁴ Все цитаты из документов здесь и далее приводятся в современной орфографии.

101]⁵. Эта причина восстановления класса поэтики была заявлена наряду с другими в Новгородской семинарии в 1799 г.: «...ученики из синтаксического прямо поступают в риторической класс, будучи все еще непредуготовлены ко оному, как то: ни со стороны знания в латинском языке, нужного к чтению и разумению риторики и образцовых писателей, ни со стороны чтения книг, необходимого для сочинения школьных задач, ни даже со стороны самого возраста, относительно к занятиям, а еще более к предназначаемому для них званию, к которому, однако ж, они очень близки при настоящем числе классов...» [РНБ, ф. 522, д. 209, л. 32].

Именно в средних классах у учеников появляется возможность слушать «экстраординарные» предметы. Обычно их набор зависел от возможностей семинарии и наличия преподавателей, привязка к конкретным уровням обучения не была жесткой: теоретически один класс могли посещать ученики разных уровней обучения, но обычно это были ученики класса риторики и выше. Так, в Рязанской семинарии в разные годы преподавались как отдельные предметы хронология, пасхалия, «учение о раскольнических толках», архитектура, живопись и музыка [Агнцев 1889: 112, 123]. В Тверской семинарии в 1788 г. был введен отдельный класс русской и латинской элоквенции (в дополнение к классам риторики и философии), а в 1792–1800 гг. — отдельный класс латинского, греческого и русского чистописания [Колосов 1889: 239–240].

В последней трети XVIII в. произошло движение в сторону унификации преподаваемых предметов: с середины века стали появляться классы французского и немецкого языков, причем основной их аудиторией стали ученики средних и высших классов (см. [Кислова 2015а; Кислова 2015б]). В 1784 г. указом Синода был введен во всех семинариях как обязательный греческий язык [Чистович 1857: 22] (хотя во многих семинариях он преподавался и раньше), с 1786 г. — после распространения на семинарии «метода народных училищ» — стало обязательным преподавание географии и истории и расширилось изучение математики [Никольский 1898: 159–160; Знаменский 1881: 461–462].

Набор, содержание и язык преподавания «экстраординарных» предметов не были жестко определены: при занятиях географией и историей могли использоваться учебники и материалы как на латыни, так и на русском языке; распространение последних также было связано с появлением Комиссии по делам народных училищ.

⁵ Возраст 20 лет фигурирует как граница «младых лет» в инструкции епископа Парфения (Сопковского), данной Смоленской семинарии в 1761 г. [Сперанский 1892: 82].

Таким образом, «языковой ландшафт» класса риторики мог быть довольно пестрым, а языковые компетенции ученика этого класса — довольно широкими: он мог изучать греческий, французский и немецкий, в отдельных семинариях фигурировали древнееврейский, польский⁶ и даже «миссионерские языки» — татарский, башкирский и т. д. Однако минимальный набор включал в себя латынь и русский⁷.

Какое практическое применение имел курс риторики для представителей духовенства? Одной из важнейших обязанностей священников считалась проповедь (это неоднократно декларировалось в указах Петра и затем Синода [Кислова 2011]), однако теоретические положения церковного красноречия до второй половины века предъявлялись студентам в рамках латинской риторической традиции (в которой сама проповедь находилась на периферии жанровой системы) и — следовательно — на латинском языке. Несмотря на существование уже в начале XVIII в. некоторого количества риторик на русском или гибридном церковнославянском языках (М. И. Усачева, Стефана Яворского, Георгия Данилевского — см. [Вомперский 1988]), в семинариях они, видимо, были распространены крайне мало — или вообще не употреблялись: они не упоминаются в учебных материалах, не встречаются в описях библиотек.

Курсы риторики и поэтики базировались на традиционных курсах украинских и польских учебных заведений и в качестве опорных текстов использовали как римскую классику, так и польских новолатинских авторов (см. [Łuźny 1996; Lewin 1972; Николаев 2004]). Тексты на «природном языке» учащихся в них могли быть представлены примерами-иллюстрациями к латинским тропам и фигурам или в виде приписок к основному тексту риторики. Так, учебники Московской академии «Архиа туллия младаго информатор» 1706 г. [РНБ, ф. 577, ед. хр. 70], «*Officina praestantissimae artis poeticae.*» 1726 г. и «*Viridarium Excellentissima Artis Oratoria.*» 1727–1728 гг. [РГБ, ф. 299, ед. хр. 603], «*Phaebus poeticus*» 1748 г. [РГБ, ф. 173.1, ед. хр. 529] содержат единичные записи и примеры-иллюстрации на русском или гибридном церковнославянском языке, а также на польском. Учебник «*Praecepta de arte rhetorica.*» [РГБ, ф. 173.1, ед. хр. 357] — запись курса, прочитанного в Коломенской семинарии в 1761 г. Парфением, епископом Коломенским, — не содержит ни одного примера на русском или гибридном церковнославянском.

⁶ О польском в «великорусских» семинариях см. подробнее [Кислова 2015в].

⁷ Хотя этот вопрос требует еще отдельного исследования, по сохранившимся документам семинарий можно утверждать, что церковнославянский до XIX в. не встречается как отдельно преподаваемый язык.

Во второй половине XVIII в. в семинариях начали распространяться печатные учебники на латыни: «Elementa oratoria» И. Ф. Бургия, «Rhetorica Ciceroniana» Г. Ф. Леже, «Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum» Г. И. Воссия и др. Традиция преподавать риторику «по Бургию» была наиболее сильной: он был издан под редакцией Н. Бантыш-Каменского «nunc vero juventutis rossicae revisa, aucta et emendata» («ныне для российской молодежи пересмотренный, дополненный и исправленный») в 1776 г. в типографии Московского университета и переиздавался типографией Синода в 1811 и 1823 г. Учебник Леже на латыни был рекомендован Комиссией об учреждении народных училищ в 1785 г. как основное пособие по этому предмету [Чистович 1857: 77], хотя к этому моменту давно существовали признанные риторические пособия на русском языке.

В семинариях «Риторика» М. В. Ломоносова (1748 г.), «Краткое руководство к оратории российской» (1778 г.) Амвросия Серебrenникова и «Опыт риторики» И. С. Рижского (1796 г.) могли использоваться как дополнительный материал. Например, в 1804 г. в Новгородской семинарии риторику учат «по Бургию» с дополнениями из Леже и Ломоносова [РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, л. 93об]. В Московской академии в 1785 г. занятия по риторике описывались так: «Во все дни по утрам читана была Бургиева риторика с дополнением из Воссия, “Краткаго руководства к оратории” и риторики г. Ломоносова, из которой прочитано и учениками выучено начиная от главы de elocutione до части, что называется pars practica» [РГБ, ф. 277, ед. хр. 12, л. 229]. Мы видим, что названия глав риторики, написанной полностью на русском языке, в отчете учителя автоматически переданы на латыни. Точно так же даже в конце XVIII в. при риторическом анализе речей и проповедей, на полях подписывая композиционные элементы и риторические фигуры, студенты используют латинские термины [РГБ, ф. 173. II, ед. хр. 49, лл. 4–17]. Сходное употребление латинских терминов в риторике, написанной на русском языке, представлено в рукописной «Священной риторике в тропах и фигурах» 1798 г. (см.: [Маркасова 2021]). Возможно, разрабатываемая Ломоносовым, Амвросием Серебrenниковым и другими авторами система риторических терминов на русском языке проигрывала латинской терминосистеме с точки зрения универсальности и общепонятности [Лемешев 2014], поэтому массовая практика преподавания риторики в семинариях оставалась латинской.

При этом в качестве образцовых текстов в семинариях начинают активно распространяться произведения на русском языке — в первую очередь поэтические (оды Ломоносова, Сумарокова, Державина,

«Россиада» Хераскова и др.) и ораторские (речи Ломоносова, проповеди Платона Левшина, Илии Миняitia, произведения Карамзина и др.). Они отмечены в отчетах учителей и инструкциях руководства и мыслятся как обязательные для ознакомления учеников ([РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, лл. 89об., 90, 94об., 140об.] и т. д.).

В классах риторики и поэтики мы также отмечаем повышенное внимание руководства семинарий к качеству русского языка. Так, еще в 1766 г. Платон Левшин отдельно указывал на необходимость упражнений в риторике не только на латыни, но и на русском, «ибо нелепо приучать к языку латинскому, а родную речь бросать» [Знаменский 1881: 744]. Существенное внимание уделялось правильному произношению [Знаменский 1881: 753].

Однако, несмотря на наличие печатных руководств и признанных образцовых текстов, чтение всего курса риторики на русском даже в конце века встречалось крайне редко. В Тверской семинарии в 1775–1783 гг. при наместничестве Арсения Верещагина курс риторики (а также философии и богословия) преподавался не только на латыни, но и на русском [Колосов 1889: 174–175], однако при смене епископа высшие предметы на русском были отменены. В 1792 г. в Александро-Невской семинарии М. М. Сперанский читал курс риторики на русском, но опубликован он был только в 1844 г. Примечательно, что само «Краткое руководство к оратории российской» Амвросия Серебренникова в предисловии декларируется как помощь тем учащимся, которые лишены знания языков и «принуждены или против воли быть незнающими, или от чужих уст зависеть, дабы хотя некоторое иметь просвещение» [Амвросий 1778: 1], — что заведомо не могло быть отнесено к ученикам класса риторики семинарий.

Даже на рубеже веков общественно признанным образцом для духовенства остается риторика на латыни, поэтому учебники на латыни оказываются более распространены. Кроме общепризнанных Бургия и Леже, на латыни публикуются и новые пособия для семинарий: «*Rhetoricae sacrae de inventione argumentorum et movendis affectibus libri duo: Conscripti in usum studiosorum Seminarium Petropolitani Alexandro-Nevenensis*» Иннокентия Дубравицкого (1790), учебник церковного красноречия Анастасия Братановского «*Tractatus de concionum dispositionibus formandis in usum juventutis, ad sacra Graeco-Russicae Ecclesiae munia ambienda obeundaque formandae*» (1806) и др.

Параллельно с распространением печатных учебников в семинариях мы наблюдаем увеличение количества сохранившихся рукописных ученических сборников, состоящих из своих и чужих образцовых текстов — выписок, цитат, подборок фактов, стихов, речей, проповедей,

пъес и т. д.⁸ Требование наблюдать, чтобы ученики делали выписки из читаемых русских и латинских книг «как касательно свойства языка, так [и] риторических украшений, полезных нравоучений» прямо содержится в инструкции учителю риторики Новгородской семинарии рубежа веков [РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, л. 138об.].

В результате с середины века единый учебный текст рукописной латинской риторики, в которой теория и примеры объединялись под одной обложкой, начинает распадаться на два относительно независимых — и по структуре, и по языку — элемента: печатную риторическую теорию (преимущественно на латыни) и рукописный сборник актуальных для студентов образцов.

Неудивительно, что в таких сборниках латинских текстов намного меньше, чем русских, или они не встречаются совсем: сборники составлялись учениками для последующего использования в послесеминарской жизни — в первую очередь как набор материалов для создания собственных проповедей и поздравительных стихов.

Материалы этих сборников показывают, что интересы студентов в современной им русской литературе выходят за границы представленных в программах риторики и поэтики текстов, определенных руководством семинарий. Кроме «программных» од Ломоносова, произведений Сумарокова, Хераскова, Державина и др., ученики на рубеже веков переписывают из журналов и альманахов произведения входящих в моду сентименталистов. Например, в сборнике «Оды, выбранные из лучших стихотворцев...» из Переславской семинарии [РГАДА, ф. 188, ед. хр. 756] скопирована существенная часть из первого тома альманаха «Аониды» и одно стихотворение из второго тома (1796–1797).

С этими процессами коррелируют изменения в составе семинарских библиотек. До 1760-х гг. ядром обязательного семинарского чтения была художественная литература на латыни (см.: [Хотеев 1993: 35–48]), четко отделявшая представителей образованного духовенства не только от «неученых», но и от людей, получивших светское образование. Именно античную классику в первую очередь закупают вместе с

⁸ Например: «Сатиры Кантемира и сборник ученических переводов и упражнений по стихосложению и риторике Василия Романова, выполненные под руководством Гедеона Слонимского» (1744–1750 гг., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 505]); «Сборник образцов приветственных речей и стихотворений, составленный в Троицкой духовной семинарии» (не ранее 1762 г., [РГБ, ф. 173.Ш, ед. хр. 32]); «Сборник нравоучительных выписок учеников Переславской семинарии (1770–1772 гг., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 107]), «Сборник проповедей, учебных переводов Семена Павлова» (посл. четверть XVIII в., [РГБ, ф. 173.П, ед. хр. 49]); «Сборник проповедей, похвальных слов, стихотворений, поздравлений и др.» [РГБ, ф. 299, ед. хр. 606]; «Сборник стихотворений, составленный студентами Славяно-греко-латинской академии» (кон. XVIII — нач. XIX в., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 565]) и др.

основными церковными книгами при организации семинарий в конце 1730-х — 1740-х гг.: так, для Александро-Невской семинарии в 1738 г. были выписаны из Лейпцига 200 экземпляров латинских книг: «географий Целяриевых 50, Цицероновых Епистолатум адфамилиарес 50, Виргилиев 50, Овидиевых Тристиум 50 же» [Чистович 1857: 33]. Для сравнения: на русском языке было куплено 25 атласов. Для организации Рязанской семинарии после покупки букварей, учебных церковных книг и «латинских элементарей» были куплены две книги — Овидия и Вергилия, а затем как «нужнейшие» приобретены сочинения Горация, Цицерона, Тита Ливия, Квинта Курция и др. [Агнцев 1889: 34–35].

С середины 1760-х гг. в семинарские библиотеки поступают целые подборки актуальной литературы на русском языке (оригинальной и переводной). Например, в описи библиотеки Троицкой семинарии 1761–1763 гг. [РГБ, ф. 173.1, ед. хр. 585.1], составленной в 1761 г., содержится 1685 пунктов в основном разделе (богословские, исторические, философские и художественные книги на латыни, а также единичные издания на немецком, французском, польском). Раздел «Реэстр всех книг русских...» (всего 502 номера) составляют церковные издания и рукописи на церковнославянском языке (евангелия, псалтыри, четьи минеи, патерики, шестодневны, произведения отцов церкви и т. д.). В этой части каталога на русском языке представлены книги, имевшие практическую ценность («Духовный регламент», «Флоринова экономия», географические атласы, отдельные учебные пособия, описания коронаций и фейерверков, «Ведомости» разных лет и т. д.).

С 1763 по 1780 г. в этот экземпляр каталога записывали новые поступления книг: подборками покупают издания од, театральные сочинения, партиями поступают книги на французском и немецком языках (см. [Kislova 2020]). Книги на латыни в последующие части каталога входят крупными комплексами только тогда, когда в библиотеку поступает личное собрание умершего церковного иерарха. Учебная литература на латыни (грамматики, словари) продолжает поступать, реже встречаются научные и богословские издания, но доля латинских книг по сравнению с книгами на русском (а также немецком и французском) в новых поступлениях заметно уменьшается.

Связь художественной литературы в библиотеках семинарий с курсами риторики и поэтики вполне прозрачна и отражает включенность образованных церковных иерархов в текущий литературный процесс. Например, весной 1779 г. была опубликована «Россиада» Хераскова, уже 9 сентября 1779 г. ректор и префект Московской академии направили митрополиту Платону (Левшину) предложение о покупке ряда книг для обучения студентов, в том числе в списке была указана

«Россиада» [РГБ, ф. 757, к. 41, ед. хр. 7]. После одобрения Платона «Россиада» появляется в каталоге библиотеки Троицкой семинарии — и впоследствии она попадает в число образцовых текстов, которые изучаются в курсах поэтики и риторики. Библиотеки также наполняются разнообразными моралистическими и назидательно-развлекательными сборниками коротких историй типа «Спутник и собеседник веселых людей...», «Товарищ разумной и замысловатой...» П. Семенова, журналами типа «Полезное увеселение», «Утренний свет», «Вечерняя заря» и т. д. Они не отмечались в репортах учителей, но списки невозвращенных учениками книг (например, [РГБ, ф. 277, ед. хр. 16, лл. 169–171]) показывают, что они были вполне доступны студентам и популярны как книги для самостоятельного чтения именно в старших классах семинарий.

Можно ли видеть в качестве причины распространения русского языка в классах риторики во второй половине века усиление практической направленности обучения в семинарии (необходимость составления речей и поздравительных стихов, активизацию проповедничества)? Казалось бы, перед учениками первой половины века после окончания семинарий ставились те же самые задачи, однако объем текстов на «природном» языке даже в сохранившихся сборниках выписок намного меньше, а образцы «на природном языке» в рукописных учебниках занимают более маргинальную позицию. Скорее мы имеем дело со сложным комплексом причин и следствий, которые усиливали позиции русского языка, поддерживая друг друга. Развитие русской литературы приводило к появлению популярных в светском обществе образцов; в моду входили публичные праздники, на которых произносились речи и читались стихи на русском языке; развивалось книгоиздание, становилось все больше книг на русском языке — и библиотеки семинарий пополнялись литературой на русском, которая оказывалась доступна ученикам. В то же время правительство регулярно требовало активизации проповедничества — и с середины века проповеди на гибридном церковнославянском вытесняются проповедями на русском языке [Живов 1996: 377–400; Кислова 2011]. Все это в целом повышало статус русского языка в семинариях, однако пока не приводило к ослаблению позиций латыни: она оставалась языком риторической теории и общепризнанных образцов.

Библиография

Агнцев 1889

Агнцев Д. И., *История Рязанской духовной семинарии*, Рязань, 1889.

Амвросий 1778

Амвросий (Серебренников), *Краткое руководство к оратории российской*, Москва, 1778.

Владимирский-Буданов 1874

Владимирский-Буданов М. Ф., *Государство и народное образование в России XVIII-го века*, I, Ярославль, 1874.

Вомперский 1988

Вомперский В. П., *Риторика в России XVII–XVIII вв.*, Москва, 1988.

Живов 1996

Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

Знаменский 1881

Знаменский П. В., *Духовные школы в России до реформы 1808 года*, Казань, 1881.

Кислова 2011

Кислова Е. И., Издание придворных проповедей в 1740-е годы, XVIII век, 26: *Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века*, С.-Петербург, 2011, 52–72.

——— 2015a

Кислова Е. И., Французский язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов, *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 2015, 4 (44), 16–34.

——— 2015б

Кислова Е. И., Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов, *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 2015, 1 (41), 53–70.

——— 2015в

Кислова Е. И., Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2015, 3, 155–170.

Колосов 1889

Колосов В. И., *История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии*, Тверь, 1889.

Манчестер 2015

Манчестер Л., *Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, Москва, 2015.

Лемешев 2014

Лемешев К. Н., Наименования фигур предложений в Риторике М. В. Ломоносова, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 10/1, 2014, 629–663.

Маркасова 2021

Маркасова Е. В., «Священная риторика о тропах и фигурах» (1798) из собрания Российской национальной библиотеки, *Chinese Journal of Slavic Studies*, 1, 1, 2021, 122–136.

Надеждин 1876

Надеждин К. Ф., *История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840 год)*, Владимир, 1876.

Николаев 2004

Николаев С. И., *От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в.*, С.-Петербург, 2004.

Никольский 1898

Никольский П. В., *История Воронежской семинарии*, 1, Воронеж, 1898.

Описание... XIX 1913

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, XIX (1739 г.), С.-Петербург, 1913.

Смирнов 1855

Смирнов С. К., *История Московской Славяно-Греко-Латинской академии*, Москва, 1855.

——— 1867

Смирнов С. К., *История Троицкой лаврской семинарии*, Москва, 1867.

Смолич 1996

Смолич И. К., *История русской церкви. 1700–1917*, 1, Москва, 1996.

Сперанский 1892

Сперанский И. П., *Очерки истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времени основания семинарии до ее преобразования по уставу 1867 года (1728–1868)*, Смоленск, 1892.

Суториус 2008

Суториус К. В., *Источники по истории преподавания православного латиноязычного богословия в России в первой половине XVIII века*, дисс. ... к. и. н., С.-Петербург, 2008.

Сухова 2013

Сухова Н. Ю., *Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX в.)*, Москва, С.-Петербург, 2013.

Титлинов 1905

Титлинов Б. В., *Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви*, Вильна, 1905.

Флоровский 2009

Флоровский Г. В., *Пути русского богословия*, Москва, 2009.

Хотеев 1993

Хотеев П. И., *Книга в России в середине XVIII века. Библиотеки общественного пользования*, С.-Петербург, 1993.

Цыпин 2019

Цыпин В., прот., *Канонический возраст*, *Православная энциклопедия* (<http://www.pravenc.ru/text/1470249.html>).

Чистович 1857

Чистович И. А., *История С.-Петербургской духовной академии*, С.-Петербург, 1857.

Freeze 1977

Freeze G., *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, London, 1977.

Kislova 2015

Kislova E. I., "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century, *Slověne*, 2015, 4/2, 72–91.

——— 2020

Kislova E. I., What, how and why the Orthodox Clergy read in 18th-Century Russia, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, 2020, 179–218.

Lewin 1972

Lewin P., *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław, 1972.

Łuźny 1966

Łuźny R., *Pisarze kręgu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polskoschodniosłowiańskich XVII–XVIII w.*, Krakow, 1966.

Okenfuss 1995

Okenfuss M. J., *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia. Pagan authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*, Leiden, New York, Köln, 1995.

References

- Florovskij G. V., *Puti russkogo bogoslovija*, Moscow, 2009.
- Freeze G., *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, London, 1977.
- Khoteev P. I., *Kniga v Rossii v seredine XVIII veka. Biblioteki obshhestvennogo pol'zovaniya*, St.-Petersburg, 1993.
- Kislova E. I., *Izdanie pridvornyh propovedej v 1740-e gody, XVIII vek. 26: Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka*, St.-Petersburg, 2011, 52–72.
- Kislova E. I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century, *Slověne*, 2015, 4/2, 72–91.
- Kislova E. I., The German Language in Russian Seminaries of the 18th Century: From the History of Cultural Contacts, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2015, 4 (44), 16–34.
- Kislova E. I., The German Language in Russian Seminaries of the 18th Century: From the History of Cultural Contacts, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2015, 1 (41), 53–70.
- Kislova E. I., Pol'skij jazyk v rossijskikh seminar-jah XVIII v.: iz istorii kul'turno-jazykovykh kontaktov, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2015, 3, 155–170.
- Kislova E. I., What, how and why the Orthodox Clergy read in 18th-Century Russia, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, 2020, 179–218.
- Lemeshev K. N., Denomination of the Figures of Thought in Lomonosov's Rhetoric, *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 10/1, 2014, 629–663.
- Lewin P., *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław, 1972.
- Łuźny R., *Pisarze kręgu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polskoschodniosłowiańskich XVII–XVIII w.*, Krakow, 1966.
- Manchester L., *Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*, Moscow, 2015.
- Markasova E. N., *The Sacred Rhetoric of Tropes and Figures (1798) from the Collection of the Russian National Library*, *Chinese Journal of Slavic Studies*, 1, 1, 2021, 122–136.
- Nikolaev S. I., *Ot Kohanovskogo do Micevicha. Razyskanija po istorii pol'sko-russkikh literaturnykh svjazej XVII – pervoj treti XIX v.*, St.-Petersburg, 2004.
- Okenfuss M. J., *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia. Pagan authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*, Leiden, New York, Köln, 1995.
- Smolich I. K., *Istorija russoj cerkvi. 1700–1917*, 1, Moscow, 1996.
- Sukhova N. Ju., *Duhovnye shkoly i duhovnoe prosveshhenie v Rossii (XVII – nachalo XX v.)*, Moscow, St.-Petersburg, 2013.
- Vomperskij V. P., *Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv.*, Moscow, 1988.
- Zhivov V. M., *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных
факультетов
Россия / Russia
e.kislova@gmail.com

Received January 15, 2020